СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-119-140 УДК 330.82, 331.445

СОЦИАЛЬНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНЕРАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ТРИ ПАРАДИГМЫ[1]

Ибрагимов Радий Назибович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
Россия, 655000, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 90
ORCID: 0000-0002-6130-0598
dison1@mail.ru

Аннотация

Изыскания в области человеческого капитала (ЧК) приобрели в отечественной науке фронтальный характер. Эти изыскания имеют место и в методологии. По мере развития проблематики начиная с 1960-х гг. формула расчета ЧК неуклонно усложнялась, вбирая в себя всё новые и новые индикаторы. Даже само это усложнение стало в итоге предметом дискуссий в экспертном сообществе, не говоря уже о необходимости, состоятельности и технологичности учета отдельных составляющих «индекса человеческого развития». Проявлением такого усложнения стал и междисциплинарный характер исследований ЧК. В дискуссию включились социологи, психологи, специалисты в области IT-разработок и др. Соответственно, расширяется и методологический базис исследований и экспертного диалога. Например, уже звучат голоса о необходимости использования в исследованиях ЧК качественных методов.

На этом фоне всё очевиднее становится мультипарадигмальность проблематики. Пока экономисты либертарного толка колдовали над макроэкономическими показателями образования и доходов и экстраполировали результаты на единичного человека как носителя особого капитала, спекулятивная методологическая природа таких процедур еще могла оставаться в тени. Но чем сложнее игрушка, тем легче ее сломать. Оказалось, что ЧК имеет сложное строение, и вопрос, что является основным и обязательным в его структуре, всё сильнее зависит от системы аксиоматических установок и терминологического аппарата, т. е. от *парадигмы* рассмотрения предмета. Альтернативой либертарианству выступает марксистская парадигма, на стороне которой генетический приоритет. Понятия родовой сущности человека и товара «рабочая сила» были введены в научный оборот за столетие до пионеров исследования ЧК.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00365.

На наш взгляд, наибольшую интригу в межпарадигмальном полилоге создает виталистская парадигма. По крайней мере, именно здесь можно найти ответ на самый неудобный для теории ЧК вопрос: если интенсивность образовательных практик и капитализация человека находятся в прямой пропорции, то как объяснить тогда пресловутый «синдром троечника»? Прояснить значение мотивационного фактора пассионарности в различных парадигмальных транскрипциях призвана настоящая статья.

Ключевые слова: человеческий капитал, пассионарность, либертарная парадигма, марксистская парадигма, виталистская парадигма.

Библиографическое описание для цитирования:
Ибрагимов Р.Н. Социально-энергетический аспект генерации человеческого капитала: три парадигмы // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 1. – С. 119–140. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-119-140.

Введение

Изыскания в области человеческого капитала приобрели в зарубежной и отечественной науке фронтальный характер. Эти изыскания не обошли стороной и методологическую составляющую данной тематики (см., например, [14, с. 86]). По мере развития проблематики формула расчета человеческого капитала неуклонно усложнялась, вбирая в себя всё новые и новые индикаторы. Если отсчитывать от пионеров данного тематического направления – Т. Шульца [20], С. Кузнеца [18], Г. Беккера [16] – до современной концепции, коллективно реализуемой в докладах ООН по человеческому развитию [17], формулы эффективности пострановой капитализации человека усложнились даже не в разы, а на порядки. Само это усложнение стало в итоге предметом дискуссий в экспертном сообществе, не говоря уже о необходимости и технологичности учета отдельных составляющих «индекса человеческого развития».

Одним из проявлений такого усложнения стал всё сильнее проявляющийся междисциплинарный характер исследований человеческого капитала. В дискуссию включились социологи, психологи, специалисты в области IT-разработок и др. Расширяется и методологический базис исследований и экспертного диалога. Например, уже звучат голоса о необходимости использования в исследованиях человеческого капитала качественных методов [11, с. 34]. На этом фоне всё очевиднее становится не просто междисциплинарность, но именно мультипарадигмальность проблематики. Пока экономисты либертарного толка колдовали над макроэкономическими показателями образования и доходов и экстраполировали результаты на единичного (!) человека как носителя особого капитала, спекулятивная методологическая природа таких процедур еще могла оставаться в тени. Но чем сложнее игрушка, тем легче ее сломать. Добавление

всего лишь одного показателя – долголетия – не могло не вызывать вопроса: как может увеличить капитализацию «*человека вообще*» увеличение удельного веса когорты людей со старческим слабоумием? Короче говоря, оказалось, что ЧК имеет сложное строение. И вопрос, что является основным и обязательным в его структуре, всё сильнее зависит от системы аксиоматических установок и терминологического аппарата, т. е. от *парадигмы* рассмотрения предмета.

На наш взгляд, наибольшую интригу в межпарадигмальном полилоге создает виталистская парадигма. По крайней мере, именно здесь можно найти ответ на самый неудобный для теории ЧК вопрос: если интенсивность образовательных практик и капитализация человека находятся в прямой пропорции, то как объяснить тогда пресловутый «синдром троечника»? Большинство основателей современных бизнес-империй, слава и гордость западной и отечественной индустрии, в терминологии нашего политического руководства «точки роста» точно не были «краснодипломниками», а некоторые – вообще аутсайдеры системы образования. Компоненты личности, позволившие им стать образцами капитализации, – это не приобретенные компетенции, а энергия, воля к жизни, воля к власти, драйв, воодушевление, кураж, энтузиазм, вдохновение, непоседливость, гиперактивность, рисковое поведение и т. п. Мы выбрали в качестве денотата искомого компонента личности понятие пассионарности.

В 2018 г. на стадионе «Олимпийский» с большой помпой прошла открытая лекция бизнес-коучера Тони Роббинса. Равнодушных не было. Мнения разделились. Одни были в диком восторге, причем среди восторженных были управленцы довольно высоких рангов. Другие, числом поболее, остались в разочаровании и даже раздражении: никаких бизнес-теорий, никаких менедж-откровений в лекции не было. Главная мысль, которую весьма эмоционально пытался довести до зрителей Роббинс, состояла в том, что надо верить в себя, сохранять позитивный жизненный настрой и настойчиво добиваться поставленной цели. Всё.

Для российского зрителя-слушателя средних лет, который помнил инструктажи пионервожатых и комсомольских секретарей о необходимости возбуждения и поддержания пионерского задора и, соответственно, комсомольского энтузиазма, новым в поучениях Роббинса была только лишь ослепительная улыбка явно искусственного происхождения. На этом можно было бы забыть Роббинса и его выступление, однако нельзя игнорировать и факт существования первой категории зрителей, и феномен «Великого Коучера». Энтузиасты Роббинса – это в большинстве своем молодая менеджерская поросль, не знавшая практики принуждения к оптимизму и в большинстве сформировавшаяся в условиях всеохватного цинизма нуле-

вых. Что такого сокровенного поведал им бывший фитнес-тренер? Почему банальный призыв к оптимизму стал откровением?

Гипотеза на грани очевидности: феномен Роббинса заключается в том, что он в наиболее элементарной, очищенной от какого бы то ни было теоретизирования форме выразил *побуждение к пассионарности*. Обобщенно: наиболее эффективным инструментом интенсификации производительной деятельности является управляемая пассионарность подчиненных. На уровне интеллекта фитнес-инструктора (пускай и бывшего): а не надо никаких бизнес-моделей и менедж-теорий, если люди работают «с огоньком». Кто владеет секретом возбуждения этого «огонька», тот владеет миром.

По существу, в лице Тима Роббинса мы столкнулись с попыткой концептуального освоения социально-энергетического аспекта экономической жизни в либертарной парадигме.

Место пассионарности в либертарной парадигме

Никакого места! Парадигма экономического мышления, восходящая к А. Смиту и Дж. Бентаму, часто именуется рационалистической. Совокупность типических свойств человека и общества, которые в качестве идеала усматривал в рыночных отношениях А. Смит, не вполне соответствует понятию «рациональность». Например, эгоизм или установка на извлечение практической пользы вполне могут рассматриваться не как проявление разумности, а как душевное заболевание. Всё зависит от точки обзора, т. е. от парадигмы. Но не будем привередничать, рационалистическая так рационалистическая, тем более что такое название точно указывает на критерий разделения с противоположной теоретической установкой, о которой речь пойдет ниже.

Поиск и нахождение оптимальных решений в условиях конкурентной среды и дефицита ресурсов, как определяется экономико-управленческая деятельность, требуют в первую очередь трезвого разумного расчета. Этот экономический рационализм распространяется на весь социальный континуум, в той или иной форме, в той или иной степени материализуясь в каждом индивидууме – предпринимателе, рабочем, лорде, проститутке, преступнике и пр. Все они смотрят друг на друга холодным прищуренным взглядом ганфайтера: «Ничего личного, только бизнес».

Однако, говоря о рационализме «экономического человека» [12, с. 18–37], всегда следует помнить, что всё начиналось с проблем морали, а вовсе не с экономики. И Смит, и Бентам начинали как моралисты. Исходная проблема, которую они решали, формулировалась так: если все вокруг жулики и эгоисты «а-ля Гоббс», то как возможно общественное благо? Мантра «Волшебная рука рынка» при таких посылках является единственно возможным

ответом. Почти единственным, если ретранслировать наш разговор в русло теории управления.

Правда, Т. Гоббс еще логичнее, чем А. Смит – социальную полезность экономического эгоизма, доказал, что сообщество жуликов-эгоистов, каковыми аксиоматически объявляются 100 % населения, эффективнее всего управляются при помощи страха перед насилием, а вовсе не свободой или деньгами. Это обстоятельство вынуждает либертарную экономическую теорию кокетливо самоопределяться как систему *ненасильственной* социальной организации. Данное уточнение с точки зрения логики весьма сомнительно, на что впоследствии справедливо указывали и Маркс, и сама жизнь. Даже зарплата – чисто экономический мотиватор производственной деятельности – может выступать средством эксплуатации, т. е. латентного насилия.

Но дело даже не в этом. Из всех возможных методов управления аксиоматическая платформа либерализма может без нарушений логики дедуцировать только метод экономического поощрения, основанный на том, что лояльность и работа предлагаются работником и гражданином в обмен на материальный бонус. Остальные методы для «экономического» человека неорганичны и чужды. Обсудим поподробнее.

Из учебника в учебник по теории управления кочует классификация инструментов управления – 1) организационно-административный метод, 2) экономический, 3) социально-психологический и 4) метод самоуправления [7, с. 9].

Начнем с конца, с № 4, потому что в логико-методологическом аспекте метод самоуправления – это отсутствие метода, своего рода методологический «нулевой вариант». Если речь действительно идет о самоуправлении, то субъект управления (администратор) здесь устраняется, а права субъектности приобретает объект (персонал). Если для либертарной экономики такое положение вещей нормально, то для теории управления буквально понимаемое самоуправление – это катастрофа. Иными словами, если термин «самоуправление» – одноместный символ, что и предписано семантикой научного текста, то в момент вступления в силу режима самоуправления исчезает само управление.

Понятно, что в учебниках и в реальности самоуправление используется и приносит определенные плоды не в буквальном смысле, а как «управляемое самоуправление». То есть понятие самоуправления – многоместный символ, скрывающий некие подразумевания. Это ставит под сомнение сциентический статус текстов о самоуправлении, поскольку подразумевания и подтексты – это индикаторы текстов художественных. Что же касается самого «самоуправления» (именно так, в кавычках), то его неотъемлемым технологическим атрибутом является конструирование в группо-

вом сознании объекта управления иллюзии самостоятельности. Вопрос об этической допустимости метода в такой транскрипции оставим за скобками – работает и работает. Обратить внимание следует на другое.

Если этот метод работоспособен и необходим, значит, объекту в той или иной степени важно осознавать, что он способен к самостоятельной трудовой мотивации и реальному самоуправлению. Степень важности иллюзии самоуправления прямо пропорциональна уровню пассионарности коллектива. И наоборот, действенность, работоспособность такого инструмента напрямую зависит от социально-энергетической насыщенности жизни конкретного социума. Если в коллективе царит гомеостаз (для этого есть точный обиходный термин «пофигизм»), никаким самоуправлением людей в данном коллективе не соблазнить.

Первый из методов, организационно-административный, – это как раз тщательно заретушированный метод угрозы санкциями. Здесь примечателен не сам факт обращения к гоббсовским рекомендациям, а попытка ретуши, попытка придать благопристойный, цивилизованный вид кулаку, которым грозит власть всем подвластным. В экономической сфере общественных отношений, где по либертарному умолчанию насилия нет, этот метод в части подразумеваемых в нем санкций не должен ни существовать, ни упоминаться. Это если по-честному.

Следовало бы выделить еще один инструмент управления (назовем его 1а), органично вытекающий из модели Гоббса, многократно испробованный и доказавший свою практическую эффективность, но при этом целомудренно «забытый» всеми теоретиками. Названий этому инструменту народом дано тьма, включая нецензурные; остановимся же на самом невинном – «начальственная нахлобучка». Все знают, что она существует, что она действенна, но ни в одном учебнике о ней даже не упоминается.

Второй метод – единственный, который органично вытекает из рационалистической парадигмы и модели «человека экономического». Потому что такой человек в идеале руководствуется только тем вознаграждением, которое он гарантированно получает за выполнение возложенных на него обязанностей со стороны администрирующего субъекта.

Третий метод – психологическое стимулирование – является действенным, но не соответствует рационалистической парадигме и идеальному типу «человека экономического». Действительно, если вместо зарплаты работник готов удовольствоваться почетными грамотами, этот работник, мягко выражаясь, не полностью отвечает критерию трезвого рационализма. Именно так: действенность данного метода обратно пропорциональна вменяемости объекта управления.

Кроме того, данный метод полностью противоположен экономическому. Расшифруем. Психологическое стимулирование – это возбуж-

дение трудового вдохновения, а вдохновение – стихия иррациональная. С трезвостью и практичностью оно не сочетается. Это особенно ясно, если вспомнить, что в идеальном образе «экономического человека» таится эгоистичный жулик, готовый для достижения цели даже преступить закон, если будет уверен, что не попадется. Любопытство, энтузиазм, вдохновение у идеального экономического индивида, озабоченного только изысканием выгоды, направлены не на производительные цели, а только и именно на получение этой самой выгоды. Особенно в России, где даже бандиты считают, что «идти на дело без куража – грех».

Но именно вдохновение (вернее, умение управлять им) – это самый желанный бонус для экономического детерминизма, ибо вдохновение – самое продуктивное из всех состояний и самое бесплатное из них. Человек, осененный вдохновением (язык не поворачивается назвать его работником!), не ест и не спит, отдаваясь процессу творчества целиком. Это, изъясняясь словами Гегеля, «наивысшая степень субъективации объекта» [5, с. 242]. В состоянии творческого ража человек делает во много раз больше, чем под действием страха, жадности и гордыни вместе взятых.

Неудивительно, что на протяжении последних 80 лет (если отсчитаем от Э. Мэйо, чья теория «человеческих отношений» есть первый развернутый выход либертарианской армии на рубежи неведомой им доселе проблематики – трудовой деятельности как иррациональной творческой стихии) либертарианская теоретико-управленческая мысль пытается укротить, обуздать, заставить работать по расписанию и приносить запланированную прибыль крылатого Пегаса пассионарности. Да, не забыть добавить: украденного из чужого, иррационалистического «стойла».

Таким образом, основными трендами в управлении и экономике либертарных обществ были «гибкие системы» и «человекоориентированность», т. е. «коммунистические» в старом, марксовом понимании мотивации. Однако исторические обстоятельства сложились таким образом, что терминологически оболочки «коммунизм» и «социализм» в политико-экономическом дискурсе западных либеральных обществ подверглись стигматизации, что в итоге привело к фатальной смысловой инверсии.

Пассионарность в марксистской парадигме

Судьба сложилась таким образом, что в дихотомическом разделении экономической социологии по обе стороны барьера исторически встали либерализм и марксизм. Всё прочее, что возникало в этом тематическом поле, вольно или невольно определялось пропорциями и компромиссами. Кейнсианство, например, – либерализм, но с заметными вкраплениями социалистической экономической идеологии [1, с. 628], теория И. Валлерстайна [2, с. 9] – наоборот. Но Судьба не всегда, вопреки Гегелю (учи-

телю Маркса!), совпадает с Логикой. Так получилось, что камнем преткновения между либеральной и марксистской парадигмами встал вопрос о государственном регулировании экономики. Либералы говорят: «Нет!», марксисты-ленинцы: «Да!». Эта дихотомия часто встречается в литературе: «Эта (марксистская. – *Р. П.*) разновидность романтического рационализма… преобладает в работах немецких идеалистов, а позже – в философии Маркса. Утилитаристы также отдали этому дань, выразившуюся в предположении, что человек в идеале бесконечно способен к совершенствованию, но это безусловно ложно» [11, с. 353].

То есть речь идет о «несварении» двух макроэкономических моделей. Но и во времена Маркса, и в XX в. существовала третья экономико-политическая альтернатива – анархизм. Все три платформы отрицали роль государства. Марксисты твердили, что его не будет в грядущем коммунизме, либералы пытались ограничить его роль в настоящем, анархисты же пошли дальше всех: в настоящем, а не в будущем, и не ограничить, а устранить вовсе. С точки зрения логической завершенности марксизм и либерализм выглядят лишь как ослабленные версии анархизма. Но где же в учебниках по теории управления анархизм? Это уже не инверсия, а вполне злонамеренное умолчание.

Но дело даже не в этом. Большое таится в малом. Ответ на вопрос, почему именно марксизм стал антитезой либерализму, таится в микросоциальном, а именно – в модели «экономического атома». Напомним, либерализм выстраивал свою правду от теоретической конструкции человека, существенными чертами которого были эгоизм, рационализм и утилитаризм.

Маркс противопоставил этой декларации модель личности под названием «родовая сущность человека». Под ней он понимал креативно-творческое и альтруистическое начало, самоценное и составляющее стержень личности. «Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного – родового существа» [8, с. 93]. Свободно изливающееся вдохновение художника, поэта, ткача и кузнеца в моменты, когда они забывают про хлеб, деньги, славу и даже самих себя, ибо восторг творчества и есть наивысшая степень «субъективации объекта». Ничего себе экономический детерминизм! За образом бухгалтера (так Маркса называл О. фон Бисмарк), оказывается, скрывался настоящий поэт.

Главная претензия Маркса к существовавшему в те времена капитализму – деформация творческой родовой сущности человека бесчеловечными условиями труда. Это был очный «камень в огород» тогдашней практики эксплуатации работников, лишавшихся элементарного человеческого облика; но это еще и заочный «камень в огород» Ф. Тэйлора и других клас-

сиков рационалистической концепции управления, поставивших в основу своих теорий «конвейерное» отношение к работнику, превращавшее того в придаток машины.

Пафос марксистского учения заключался в том, чтобы высвободить родовую сущность человека-работника, причем не искусственно-административными методами, реформами или революциями, а естественно-историческим путем, как бы «само собой». Эта мысль получила наиболее плодотворное продолжение на «франкфуртском» направлении развития: «Вместо того, чтобы быть служанкой установленного порядка, украшая его бизнес и его страдание, вдохновение стало бы техникой для уничтожения этой деятельности и этого страдания» [19, с. 239].

По мере развития технологий ставка на высвобожденную творческую энергию работника, согласно чаяниям Маркса, окажется экономически выгоднее и конкурентоспособнее, что неминуемо даст макроэкономический эффект – в виде коммунистической общественно-экономической формации. Иными словами, те общественные системы, что доросли до прямых инвестиций в человеческий капитал, – США, ФРГ, Великобритания и пр., по факту являются коммунистическими в классическом марксистском понимании при всей их декларативной ненависти к марксизму и коммунизму. И согласно максиме «практика – критерий истины» коммунизм научен хотя бы тем, что сейчас получает вполне рационально-практическое воплощение. Но был ли он научен во времена самого Маркса?

Уже на зубах навязла характеристика научного коммунизма Маркса как утопии. Мы со времен нашего социализма привыкли к дедуктивной аргументации, да еще в интерпретации «Краткого курса истории ВКП(б)». Мол, если верна вся теория общественно-экономических формаций, то верна и та ее часть, что посвящена коммунизму и механизму перехода к нему. Для бывшего гегельянца Маркса такая аргументация – от общего к частному – вполне нормальна и ожидаема.

На мой взгляд, учение о коммунизме научно, но на прямо противоположном, позитивистско-индуктивном основании – как теоретическая фиксация эмпирически данного опыта. Того опыта, который всем нам дан непосредственно и который мы в силу нашей идеологической ангажированности просто отказываемся воспринимать. Этот эмпирически ощутимый факт, согласно самым позитивистским канонам, состоит в том, что *вдохновение, творческий кураж, влюбленность в собственное дело существуют объективно и независимо от воли* циничных бухгалтеров. Люди, руководимые «внутренней мотивацией», были во времена Маркса, есть они и сейчас и, уверяю вас, найдутся и в будущем. При этом и до Маркса было эмпирически очевидно, что вдохновение, творческий кураж, влюбленность в собственное дело как

двигатели трудового поведения во много раз эффективнее, продуктивнее безысходной привычки, всепожирающей жадности.

Речь о Роберте Оуэне, одном из «трех источников научного коммунизма». Его тоже зачислили по ведомству «утопистов», хотя он, в отличие от Ш. Фурье и А. Сен-Симона, был не мечтателем, а человеком дела. Да, его опыт в США оказался неудачен. Но до этого в родной Англии организованное им предприятие разорило всех конкурентов [9, с. 230] благодаря тому, за что мы сейчас поем дифирамбы Э. Мэйо, – принципу «с людьми надо по-человечески».

Итак, креативно-творческая мотивация производственной деятельности человека – это эмпирически достоверный факт. И проблема не в его существовании, а в том, чтобы добиться от работника систематического возбуждения, которое позволило бы кристаллизовать хаотическую сумму единичных вдохновений в планомерный производственный процесс, в ритмичную работу предприятия и экономики в целом.

Эта работа по «систематизации вдохновения» так же, как и на Западе (от Э. Мэйо до «изобретателя» синектики У. Дж. Гордона), систематически проводилась российскими наследниками Маркса. Достаточно вспомнить, сколько раз слово «энтузиаст» фигурировало в названиях улиц, как настойчиво насаждалась эстетика «строительства коммунизма», вспомнить оксюморон плановой экономики – стахановское движение. Последним жизнеспособным всплеском этой социальной энергии в СССР было движение стройотрядов – там должность комиссара просуществовала дольше всего.

Успешным ли был опыт СССР в деле «систематизации вдохновения»? Если учесть, что вышеперечисленные формы возбуждения энтузиазма носили регулярный характер и время от времени приносили плоды, то да. Опыт регуляции активности детских коллективов (пионеров и октябрят) до сих пор используется в отечественных школах. Но если вспомнить, что БАМ и ДнепроГЭС наряду с энтузиастами и стройотрядовцами строили заключенные – то нет. Важным столпом советской экономики был не столько трудовой энтузиазм, сколько бесплатный труд обитателей ГУЛАГа. В этом отношении экономическая адаптация пассионарной энергии пошла в СССР в направлении, обратном «западному».

Замена мотива творческой самореализации мотивом животного страха за жизнь в случае неисполнения приказа, как ни странно, вполне укладывается в логику теории общественно-экономической формации – конечно, при условии ее здравого, «нелинейного» понимания. Экономические уклады в реальной истории не сменяют друг друга полностью, а сосуществуют, меняясь время от времени статусом базиса. Например, тот факт, что мафия, чей бизнес основан на рэкете, запрещена законом, не означает,

что мафии вообще не существует. А поскольку по способу производства и присвоения общественного продукта мафия – это феодальный институт, это значит, что здесь и сейчас в калейдоскопе экономических укладов существует островок феодализма. И уже тот факт, что, несмотря на правовую дискриминацию, избавиться от мафии не удается нигде, означает, что этот уклад вполне конкурентоспособен. Как социологически точно воскликнул один из «итальянцев в России»: «Мафия бессмертна!»

Возвращаясь к ГУЛАГу, мы должны еще раз констатировать: это был типичный, незамутненный пример экономического уклада «государственное рабовладение», существование и процветание которого имело причиной не ущербность большевистской идеологии и не садизм большевистской элиты (хотя надо учитывать и эти факторы). Функциональность ГУЛАГа была дедуктивным продолжением и иллюстрацией марксистского закона соответствия производительных сил и производственных отношений, а конкретнее – соответствия производственно-технологических задач тем способам, которыми эти задачи должны были решаться. Конечно, в 1930-е гг. стране объективно нужен был выпуск высокотехнологичной продукции (например, телевизоров или вертолетов). Но для этого мало было наличия или отсутствия в стране И. Сикорского (отсутствовал) и В. Зворыкина (отсутствовал); нужен был вал нефти, угля, золота, стали и электроэнергии. А для этого, в свою очередь, нужно было без всякой механизации (ее еще надо было достичь) повалить миллионы кубов леса, перекидать миллионы кубов породы и грунта, т. е. произвести огромный объем низкоквалифицированного труда.

Как привлечь и мотивировать рабочую силу на такую работу? Задорным комсомольским призывом? Да, было и такое. Павка Корчагин, в миру Н. Островский, проявляя чудеса героизма и энтузиазма, полгода строил узкоколейку длиной 6 верст, которую при правильной организации труда можно было построить за неделю. Поэтому наркомы Г. Ягода и Л. Берия, не впадая в революционно-трудовую романтику, благоразумно обеспечили выполнение гигантских объемов низкоквалифицированной работы столь же низкоквалифицированной рабской силой.

Надо сказать, что рабовладельческий уклад распространялся не только на лесоповал и ручное рытье беломорканалов. В статусе государственных рабов были и работники высокотехнологичных производств – многочисленных «шарашек». Потеряв такие атомы человеческого капитала, как В. Зворыкин и И. Сикорский, отцы-основатели ГУЛАГа предприняли попытку организовать оставшийся в их распоряжении человеческий потенциал на условиях рабовладельческого способа производства. Если учесть успехи СССР в авиа-, ракето- и атомостроении, а также тот факт, что многие «шарашки» впоследствии были переименованы в НПО, дожившие до наших дней, этот

опыт нельзя не признать успешным. Вопрос только в том, можно ли экстраполировать «гулаговский метод» организации производственного процесса на все экономические подразделения и на все экономические ситуации? Вопрос не праздный – такие попытки были в науке и искусстве СССР и даже современной России. Например, применение систематического насилия к генетике и генетикам привело к тому, что отставание от зарубежных конкурентов до сих пор исчисляется десятилетиями.

Тем не менее экономический строй в эпоху социализма характеризовался не только внедрением элементов рабовладения. Даже в пиковые годы этот сегмент экономики не располагал более 2,5 млн работников. В целом советское общество, начиная с 1930-х гг., вполне укладывалось в образ индустриализма. И, в частности, в области теории и практики управления использованием соответствующего индустриальному этапу развития индустриально-конвейерного, «тэйлоровского» стиля управления экономикой.

Главным признаком тэйлоризма советской и постсоветской экономики стала стандартизация. Например, Т-34 и Ил-2 были лучшими танком и самолетом Второй мировой не только потому, что воплотили технические инновации, но и потому, что их можно было дешево и много наштамповать. Впоследствии принцип «дешево и много наштамповать» расползался по всем видам экономической и даже духовной деятельности. В настоящее время мы становимся жертвами эпидемического распространения индустриализма на сферы духовного производства. Стандарты регламентируют количество детей в детсадовской группе, организационно-административную деятельность вузов, и даже в научной деятельности аккредитационный показатель «Научные публикации» носит количественный и обязывающий характер, за что в среде вузовской интеллигенции его называют «принуждение к НИР».

Таким образом, апробацию марксистской парадигмы в условиях советской экономики можно считать вполне успешной, но, естественно, не в общепринятой интерпретации. Подтвердился гениальный закон соответствия формы производственных отношений уровню развития производительных сил и характеру экономических задач. Недаром Ленин признавал экономику тогдашней России «слабым звеном в цепи капитализма». Какое звено – такая и технология ковки.

Мало что изменилось и сейчас. Управление экономическим и культурным хозяйством до сих пор осуществляется методами, свойственными индустриальному обществу на империалистической стадии: всюду тотальный контроль, жесткое планирование и конвейерная стандартизация. А если ситуация позволяет удовлетворить потребность (в жилье или джинсах) более патриархальными, элементарными средствами, то сойдут и рабы-вьетнамцы, и беспаспортные крепостные-таджики.

Советский гиперимпериалистический тип экономики и управления наряду с государственно-колхозным феодализмом и гулаговским рабовладением лишь прикрывался терминологической ширмой «социализм» и «коммунизм», что вовсе не соответствовало действительности. Задорный трудовой энтузиазм раскрепощенной и пассионарной «родовой сущности» так и остался менедж-имитацией, не создав самостоятельного экономического уклада. И даже в области потемкинских менедж-имитаций Россия не впереди планеты всей. Достаточно посмотреть на бравую шагистику северокорейских вояк и сравнить ее с нашим строевым шагом.

Пассионарность в виталистской парадигме

Выше уже говорилось о том, что главным компонентом в концептуальной конструкции Маркса, своего рода «пьяной вишенкой на торте», была родовая сущность человека. Именно ее, родовой сущности, незаметное микросоциальное действие подтачивает макросоциальную пирамиду капиталистического общества, приводя производительные силы в антагонистическое противоречие с производственными отношениями.

Творческая созидательная интенция, вшитая в ткань человеческого естества, стала для марксистской теоретической модели чем-то вроде туза в рукаве. Причем – туза пятого. Дело в том, что сам Маркс считал себя представителем и продолжателем рационалистических традиций; таковым же его считали большинство его продолжателей и эпигонов. Даже его друг и соратник Ф. Энгельс писал более живым и «гуманитарным» слогом.

И действительно, идея о том, что воля, вдохновение, интуиция сильнее интеллекта и предопределяет направленность и активность этого интеллекта, пришла к Марксу не по прямой линии от Г.В.Ф. Гегеля. Это наследие романтической парадигмы великой немецкой мыслительной традиции – И.В. Гёте, Э. Лессинга, А. Шопенгауэра. Это сейчас, пытаясь упорядочить историко-философское наследие, мы чертим схемы и пытаемся расставить классиков по разным полкам. На самом деле в XVIII–XIX вв. Германия была одной тематической площадкой, одной духовно-культурной средой, где мировоззренческий дрейф из лагеря «рационалистов» в лагерь «романтиков» (например, Ф. Шеллинга) был довольно заурядным делом. Энгельс, в частности, признавался, что в молодости они с Марксом были горячими поклонниками основателя герменевтики Ф. Шлейермахера. Поэтому тезис о ключе вдохновения, таящемся в каждом, даже самом замордованном жизнью человеке, в устах «бухгалтера» Маркса не выглядит столь уж неожиданным.

Другое дело, что наиболее ожидаемо, органично и полно гимн человеческому вдохновению звучал, конечно, из уст тех наследников Канта, кто оставил в структуре человеческой природы и сделал источником всяко-

го Разума и всякого Дела трансцендентную «вещь-в-себе». Но романтики, даже утверждая универсальный, вселенский характер индивидуальной или социальной энергии, воли к жизни, воли к власти, вдохновения, предпочитали иллюстрировать эту детерминацию примерами из области науки и искусства, обходя стороной ремесла и промышленность. «Помилуйте, ну какой же из Круппа поэт-харизматик? Возится в своей кузне день и ночь, чумазый весь! К нему не то что рукой, даже мыслью прикасаться не comme il faut!»

Исключением в неокантианской традиции является, пожалуй, лишь М. Вебер. Он выделил особый тип экономической мотивации, которая сыграла решающую роль в становлении европейской индустриальной цивилизации. Эта мотивация – предпринимательская харизма, которую Вебер понимал как метаморфозу протестантской. «Само избранничество побуждает их к активной деятельности в рамках их профессии» [3, с. 160]. В такой подаче действия харизматика Альфреда Круппа следует объяснять не жадностью, не эгоизмом, а пламенным религиозным аскетизмом.

При этом тип предпринимателя-харизматика был хорошо известен в Европе. Такой тип особо выделяли Т. Веблен [4, с. 122] и В. Парето [15, с. 188]. В Германии их называли «грюндерами», т. е. основателями [10, с. 56]. Однако Маркс (как добропорядочный рационалист) не включал грюндеров и их деятельность в свою теоретическую систему. С его точки зрения любой капиталист, без разбора – «рантье», «мещанин» или «грюндер», является эксплуататором, живущим за счет извлечения прибавочной стоимости. Объем и направление энергии капиталиста значения не имеет, хотя фигура того же А. Круппа не раз всплывала в статьях и монографиях Маркса и Энгельса, и они хорошо знали подвижнический характер его деятельности.

Действительно, Крупп до мелочей и деталей знал сталелитейное дело, сам разрабатывал технологию, спал по три-четыре часа в день (в убогой халупе на топчане, ибо терпеть не мог своих дворцов), без устали колесил по Европе [Там же, с. 148–149] Его личные трудозатраты были во много раз больше, чем у любого из его рабочих, не говоря уже о сопоставимости приносимой пользы. Но признать деятельность Круппа и вообще всех многочисленных предпринимателей харизматического типа значило для Маркса признать за ними статус не просто работника, но работника с высочайшей пассионарной, а значит, коммунистической мотивацией. При всей своей приверженности к диалектическим парадоксам позволить себе признать капиталиста работягой, задорно эксплуатирующим самого себя, Маркс, конечно же, не мог. Именно здесь, в игнорировании экономической пассионарности предпринимательства, кроется фатальная ошибка марксизма – не только практическая, но даже теоретическая.

Оригинальным и перспективным российским продолжением европейского витализма стала теория этногенеза Л.Н. Гумилева. Ее оригинальность заключалась в том, что содержательный акцент в своем концептуальном построении Гумилев сделал не на эстетике или морали, как Ф. Ницше, не на гносеологии, как В. Дильтей, а на естественно-научном аспекте социального драйва. Его, драйва, иррациональность заключалась не в моральном произволе сверхчеловека и не в изысканной интеллектуальной интуиции, а в естественной природности, геокосмической детерминированности происходящего. «Все… действия требуют от их участников колоссальной работы, равно мускульной, интеллектуальной и эмоциональной. Любая работа, чтобы быть произведенной, требует затраты соответствующей энергии, которую надо откуда-то почерпнуть. Так какова же эта энергия, явно не электрическая, не механическая, не тепловая, не гравитационная? И откуда берут ее люди, идущие на… риск?» [6, с. 246]

Перспективность, в свою очередь, заключалась в обращении к новейшим методологическим инновациям и, что важно именно для нас, включении в орбиту теоретического интереса экономических практик. Под методологическими инновациями имеется в виду комплекс теорий, возникших после и в связи с революцией в физике и приобретших позже универсальное научно-методологическое значение. Аналоги сингулярности, бифуркации, стохастических законов обнаруживались и обнаруживаются не только в физической, но и в социально-гуманитарной сфере. Заслугой Л.Н. Гумилёва была идея, что пассионарность как существенный социально-исторический фактор может получить объяснение только в такой картине мира, где нестихающий хаос индивидуальных мотивов и поступков кристаллизуется время от времени в устойчивые макросоциальные целостности – институты, государства и этносы. В этой картине мира порядок – это частный случай хаоса (энергии), а не наоборот.

Из этой синергетической установки, правда, следует если не пессимистический, то как минимум отрезвляющий вывод. Если акт социогенеза, продуктивной кристаллизации пассионарности носит фундаментально стохастический, случайный характер, если появление Чингисхана и Круппа именно в их обстоятельствах времени и места не предопределено ничем, кроме случайных генетических мутаций и комбинаций случайных обстоятельств, то *никакое управление пассионарностью* (социальным драйвом, энтузиазмом, вдохновением) *невозможно*. И никакой Тони Роббинс, никакая эвристика, никакой принудительный «потемкинский» энтузиазм тут не подмога. Зато возможно *деструктивное* воздействие государства и общества на стохастически (то есть «неожиданно», как «чертик из табакерки») появляющихся пассионариев. Гармоничное большинство и субпассионарное меньшинство постепенно уничтожают их всеми мыслимыми способами.

Последний пример – непрестанное утяжеление дискурса об «экстремизме», самом, пожалуй, таинственном правовом термине.

Второй акцентированный нами момент – распространение действия теории пассионарности на экономическую сферу общественной жизни – конкретизирует предложенный вывод. Действительно, социальной энергии всё равно, в какие формы выливаться – в политические, эстетические или экономические. Экономической формой приложения, как указывалось выше, брезговал Ницше, ее же «в упор не видел» Маркс. У Гумилёва же предприимчивые греческие, еврейские, новгородские купцы – постоянные персонажи этнологической концепции.

Попробуем конкретизировать экономические следствия теории пассионарности. Итак, в экономической сфере пассионарии, гармоничные особи и субпассионарии будут называться «предприниматель-инноватор», «бизнесмен-мещанин» и, допустим, «мародер».

Первый тип – это подлинный локомотив поступательного экономического развития. Он хорошо знаком нам по истории, узнаваем и в современности. Навскидку: в прошлом – Марко Поло, Альфред Крупп, Вильгельм Боинг, в современности – Стив Джоббс, Билл Гейтс, Марк Цукерберг и им подобные.

Второй тип – это те хозяйственники, которым функционирование милее прорыва, инструкция милее проекта, имеющееся милее возможного. Этот тип также хорошо нам знаком; под него подпадают многочисленные владельцы семейных бизнесов, лавок и бистро. В словосочетании «устойчивое развитие» они с наслаждением делают акцент на «устойчивом», а к инновациям и инноваторам относятся с подозрением и даже враждой.

Третий тип назван «мародером» в расширительном смысле. Субпассионарий – это не только тот, кто тайком грабит дачные участки, хотя и таких немало. *Экономическая субпассионарность* – это вообще *всякая осознанно паразитическая деятельность, приводящая предмет паразитарной активности к аннигиляции*, разрушению. Можно, например, не догадываться об отдаленных экономических последствиях нефтяных разработок, хотя таковые и возможны. Но организация микрофинансирования – это преднамеренное ввержение людей в долговое рабство, которое размывает один из главных социально-экономических капиталов – доверие. Поэтому, несмотря на некоторое сходство со вторым и даже с первым типом, микрофинансист – однозначный «мародер».

Состояние экономической системы, по-гумилёвски – «фаза этногенеза», социологически определяется пропорцией перечисленных типов и степенью их влияния. Если численно или ресурсно преобладают инноваторы, система находится в фазе интенсивного и часто непредсказуемого

роста. Если «функционеры» – наступает гомеостаз и обскурация, если «мародеры» – это верный признак угасания или катастрофы.

Конечно, ситуация может быть запутана рядом факторов, в первую очередь – политических. Никакая власть не признает даже под угрозой расстрела, что руководимая ею экономика находится в состоянии гомеостаза и тем более деградации. И должна предпринять максимум усилий для того, чтобы ситуация выглядела превосходной или даже приличной, но главное – управляемой.

Поэтому на уровне идеологических деклараций можно бесконечно твердить о «точках роста» и «прорывных технологиях», на уровне организационно-политических инициатив создавать технопарки и «Сколковы», но в законодательной сфере регулирования экономических настроек упереться в НДС, при котором чем технологически сложнее продукт, тем нерентабельнее его производство. И тогда сфера легального приложения усилий предпринимателей-пассионариев сузится, как шагреневая кожа.

Каковы последствия такого отношения к человеческому капиталу, сказано уже неоднократно. И не услышано тоже неоднократно. Что еще раз подтверждает постулат гумилёвской теории: *пассионарность и отношение к ней социальной среды* – явления не социальные и тем более не гуманитарные, а природные, от чьей-либо воли и желания не зависящие.

Выводы

Парадигмы – это своего рода тематические вселенные. Они существуют и развиваются порознь, следуя больше своей внутренней логике, чем теоретической обстановке в теориях и парадигмах, живущих в других измерениях. Поэтому неудивительно, что даже однотипные социальные феномены не просто обозначаются в разных парадигмах разными терминами, но даже порой не опознаются как однотипные при сравнительном анализе. Примерно такая ситуация возникла, на мой взгляд, с тем, что названо человеческим капиталом в либертарной экономико-управленческой парадигме, родовой сущностью – в марксистской и пассионарностью – в виталистской.

Любая парадигма имеет ядро – круг вопросов и ответов, для которых данный подход наиболее релевантен, и тематическую периферию, где требуются громоздкие обоснования и допущения. Либерализм силен своей верой в стихийную экономическую самостоятельность общества, но при этом логического объяснения альтруизма и креативности как органических движителей прогресса предъявить не в состоянии.

Марксизм, наоборот, именно на перспективности «экономизации» (термин «капитализация» здесь как-то неуместен) родовой сущности человека построил свою теорию научного коммунизма. Но, будучи последователен

в теории, он оказался несостоятелен в части эмпирической апробации. Перепутал масштабы: то, что хорошо работает на микросоциальном уровне (оуэновская фабрика, израильский кибуц), на макросоциальном уровне и в условиях неразвитых технологий требует пропорционального увеличения управленческих издержек – вплоть до полпотовских концлагерей.

Слабым местом витализма в проблематике человеческого капитала является методологическая проработка очевидно верного концептуального посыла. У обеих предыдущих парадигм имеются целые библиотеки анализов и прогнозов, а синергетика, методологический язык последовательного витализма, даже по определению не обладает предсказательной силой. Такой силой, правда, как показали кризис 2008 г. и развал СССР, не обладают и либерализм с марксизмом, но здесь прогнозирование не только предусмотрено, но поглощает изрядное количество сил, денег, бумаги и компьютерных мощностей.

Тем не менее в перспективе не вижу серьезных препятствий для методологического продвижения витализма вперед в таких вопросах, как структура и динамика развития человеческого капитала и роль социально-энергетического фактора в них. Здесь можно изыскать и аналитические единицы, и систему индикаторов, и соответствующий логико-математический аппарат, которые позволят давать точные описания и социальную детерминацию феномена. Но это уже предмет дальнейших исследований.

Литература

1. *Блауг М.* Кейнсианская система // Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – С. 607–629.

2. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

3. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

4. *Веблен Т.* Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007. – 288 с.

5. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа: пер. с нем. – СПб.: Наука, 1994. – 443 с.

6. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 560 с.

7. *Кудрина Н.Н., Леванков В.А.* Менеджмент в социальной сфере / под ред. В.А. Леванкова. – СПб.: Нестор, 2004. – 78 с.

8. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.

9. *Неманов И.Н.* Некоторые итоги и проблемы изучения Роберта Оуэна // История социалистических учений: сборник статей памяти Б.Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1976. – С. 213–238.

10. *Оггер Г.* Магнаты… Начало биографии: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – 347 с.

11. *Плискевич Н.М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. – М.: Ин-т экономики РАН, 2012. – 231 с.

12. *Радаев В.В.* Экономическая социология: учебное пособие. – М.: НИУ ВШЭ, 2005. – 601 с.

13. *Рассел Б.* Мудрость Запада: историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами: пер. с англ. – М.: Республика, 1998. – 479 с.

14. *Тихонова Н.Е., Каравай А.В.* Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 84–98.

15. *Шумпетер Й.* Вильфредо Парето // Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. – М.: Ин-т Гайдара, 2011. – С. 162–205.

16. *Becker G.S.* Human Capital. – New York: Columbia University Press, 1964. – 264 p.

17. Human Development Report 2014. – New York: United Nations, 2014. – 28 p.

18. *Kuznets S.* Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. – New Heaven: Yale University Press, 1966. – 529 p.

19. *Marcuse H.* One Dimensional Man: Studies of Advanced Industrial Society. – Boston: Beacon Press, 1964. – 257 p.

20. *Schultz T.W.* Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. – New York: The Free Press, 1971. – 272 p.

Статья поступила в редакцию 06.06.2019
Статья прошла рецензирование 27.06.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-119-140

SOCIO-ENERGETIC ASPECT OF HUMAN CAPITAL GENERATION: THREE PARADIGMS

Ibragimov Radiy,
Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor of the Department of Management,
Katanov Khakass State University,
90 Lenin St., Abakan, Republic of Khakassia, 655000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6130-0598
dison1@mail.ru

Abstract

Research in the field of the human capital gained frontal character in domestic science. This research takes place in methodology too. In the process of development the calculate-formula of human capital has been steadily complicating since 1960, incorporating new indicators. Even this very complication has become the subject of discussions in the expert community, not to mention the need, justifiability and technological effectiveness of calculation of separate components of "the human development index". The cross-disciplinary nature of human capital research has become the result of such complication. Sociologists, psychologists, experts in the field of IT developments, and others joined the discussion. The methodological basis of research and expert dialogue also extend respectively. For example, one can hear the opinions about the need to use qualitative methods for research of the human capital.

Multi–paradigm investigations become more and more obvious. While economists-libertarians were fiddling with macroeconomic indicators of education and income and extrapolated the results to a single person as a carrier of special capital, the speculative methodological nature of such procedures still could have remained in the shadow. But the more sophisticated the toy is, the easier it is to break it. It turned out that human capital has a complex structure. And the question about the core of human capital and its structural components depends on the system of axiomatic installations and terminology. That is to say, it depends on the paradigm consideration of the subject. The Marxist paradigm (the alternative to the libertarian one) was prior, historically speaking. The concepts of patrimonial essence of a person and workforce were introduced into scientific use one century prior to pioneers of the human capital research.

In my opinion, the greatest intrigue in a cross-paradigm polylogue is created by a vitalist paradigm. At least, exactly here it is possible to find the answer to the question, most inconvenient for the theory of human capital: if the intensity of educational practices and capitalization of a person are in a direct proportion, then how one can explain a notorious "syndrome of a mediocre pupil"? The article considers the importance of a motivation factor of passionarity in various paradigmal transcriptions.

Keywords: human capital, passionarity, libertarian paradigm, Marxist paradigm, vitalist paradigm.

Bibliographic description for citation:
Ibragimov R. Socio-Energetic Aspect of Human Capital Generation: Three Paradigms. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 1, pp. 119–140. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-119-140.

References

1. Blaug M. Keinsianskaya sistema [Keynesian System]. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow, Delo Publ., 1994, pp. 607–629.

2. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 416 p. (In Russian).

3. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian).

4. Veblen T. *The Theory of a Business Enterprise*. New Brunswick, London, 1978 (Russ. ed.: Veblen T. *Teoriya delovogo predpriyatiya*. Moscow Delo, 2007. 288 p.).

5. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 443 p. (In Russian).

6. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth]. Moscow, Airis-press Publ., 2013. 560 p.

7. Kudrina N.N., Levankov V.A. *Menedzhment v sotsial'noi sfere* [Management in the social sphere]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2004. 78 p.

8. Marx K. Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–174. (In Russian).

9. Nemanov I.N. Nekotorye itogi i problemy izucheniya Roberta Ouena [Some Results and Problems of Studying Robert Owen]. *Istoriya sotsialisticheskikh uchenii* [History of Socialist Studies]: A Collection of Articles in Memory of B.F. Porshnev. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 213–238.

10. Ogger G. *Die Gründerjahre: als der Kapitalismus Jung und Verwegen war* [The Magnates... The Beginning of Biography]. München, Droemer Knaur, 1982 (Russ. ed.: Ogger G. *Magnaty… Nachalo biografii*. Moscow, Progress Publ., 1985. 347 p.).

11. Pliskevich N.M. *Chelovecheskii kapital v transformiruyushcheisya Rossii* [Human Capital in Transforming Russia]. Moscow, Institute of Economics RAS Publ., 2012. 231 p.

12. Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow, HSE Publ., 2005. 601 p.

13. Russell B. *The Wisdom of the West: A Historical Survey of Western Philosophy in its Social and Political setting*. London, Rathbone Books, 1959 (Russ. ed.: Rassel B. *Mudrost' Zapada: istoricheskoe issledovanie zapadnoi filosofii v svyazi s obshchestvennymi i politicheskimi obstoyatel'stvami*. Moscow, Respublika Publ., 1998. 479 p.).

14. Tikhonova N.E., Karavay A.V. Dinamika nekotorykh pokazatelei obshchego chelovecheskogo kapitala rossiyan v 2010–2015 gg. [Dynamics of Some Indicators of

Russians' General Human Capital in 2010–2015]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2018, vol. 5, pp. 84–98.

15. Schumpeter J. Vil'fredo Pareto [Wilfredo Pareto]. *Desyat' velikikh ekonomistov ot Marksa do Keinsa* [Ten Great Economists, from Marx to Keynes]. Moscow, Gaidar Institut Publ., 2011, pp. 162–205. (In Russian).

16. Becker G.S. *Human Capital*. New York, Columbia University Press, 1964. 264 p.

17. *Human development report 2014*. New York, United Nations, 2014. 28 p.

18. Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Heaven, Yale University Press, 1966. 529 p.

19. Marcuse H. *One Dimensional Man: Studies of Advanced Industrial Society*. Boston, Beacon Press, 1964. 257 p.

20. Schultz T.W. *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*. New York, The Free Press, 1971. 272 p.

The article was received on 06.06.2019.
The article was reviewed on 27.06.2019.